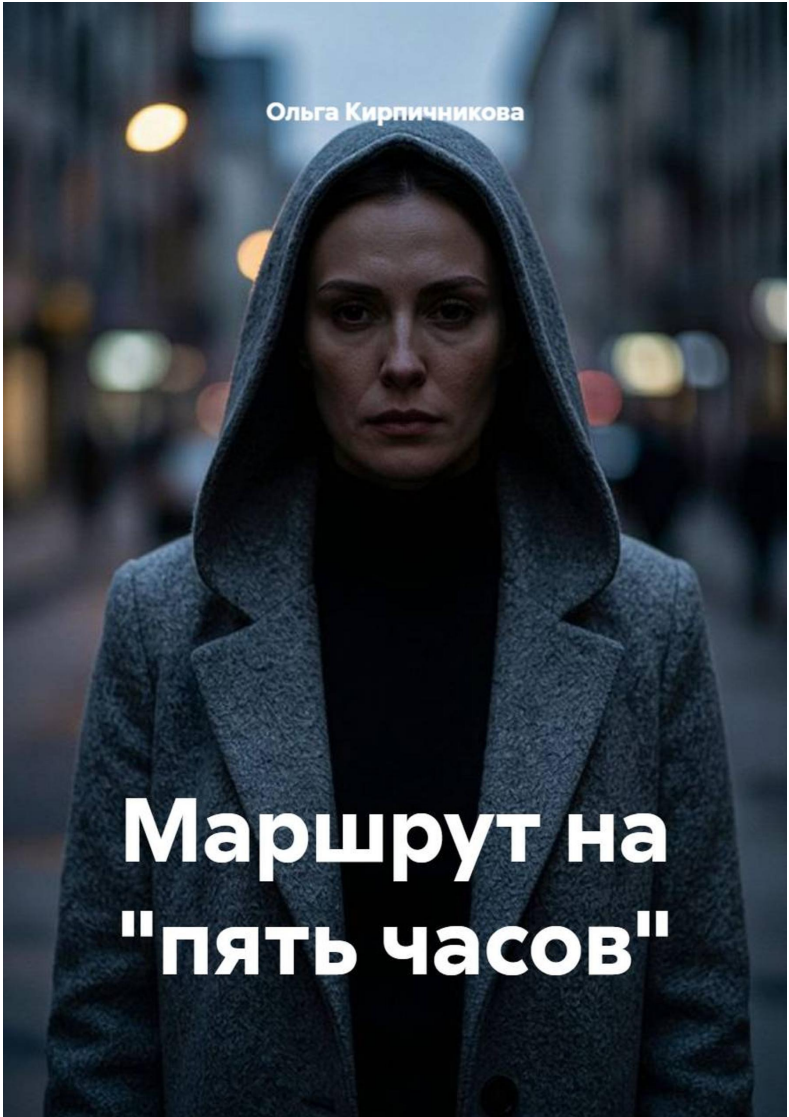
Ольга Кирпичникова
Маршрут на "пять часов"

**Ольга Кирпичникова**

# Маршрут на "пять часов"

*https://litres.ru/74982339*
*SelfPub; 2026*

## Аннотация

Жизнь в тени абьюза...Она знала, что у неё есть ровно семь часов: успеть забрать детей из садика и школы, собрать документы, найти крышу над головой — и не вернуться. История о том, как одна женщина решилась на самый страшный и самый честный шаг — уйти, чтобы её дети больше никогда не вздрагивали от звука ключа в замке. Финал без фальши: не и всё стало хорошо, а дальше

# Ольга Кирпичникова
# Маршрут на "пять часов"

**Глава первая. Очередь**

Марина появилась в её жизни семь лет назад, в очереди в детскую поликлинику, когда Димке было полгода и у него резались зубы. Марина держала на руках своего, орал так, что заглушал Димку, и сказала через очередь, через головы, без всякого знакомства: «Держитесь, девочки, это у них всё». И это «девочки» — сразу обоим, сразу на равных — решило всё.

За семь лет они отравили друг другу жизнь разговорами и спасли её же — по меньшей мере трижды: когда Саша выла от бессонницы с младенцем, когда умерла Сашина мама… нет, мама умерла позже, но была госпитализация, и Марина сидела в коридоре больницы всю ночь с термосом, — и когда у Марины разошёлся муж, и Саша держала её за руку на пороге нотариуса. Женская дружба — это не походы в кино. Это кто сидит в коридоре.

И теперь Витя сказал: «Марина тебя настроивает».

Слово «настраивает» он произносил так, как врачи произносят диагноз. Она настраивает. Она подруга, а подруги настраивают. Семь лет сидения в коридорах — «настраивает».

— Она у меня единственная близкая, — сказала Саша.

Голос был ровный; она тренировалась.

— Так и Ленков врач один. Один — не аргумент. Она тебе завидует, вот что. Небогатая, брошенная, сидит одна, — а ты семья, дом. Она тебе втирает, что твой муж деспот, чтобы ты тоже осталась одна. Это элементарно, логика простая.

— Она никогда не говорила про тебя плохо.

— Потому что хитрая. — Он жевал губу, соображая, как докрутить. — Ладно. Хочешь общаться — общайся. При мне. В моей квартире. Раз в месяц. Воскресенье, днём. Я буду дома.

Так родились воскресенья. Марина приходила, садилась на самый край стула — раньше она садилась по-хозяйски, ноги под себя, — и говорила о нейтральном: о ценах, о мультиках, о чьём-то отоплении. А Витя ходил по квартире. Или сидел в той же комнате с телефоном, и его присутствие было как присутствие третьего, который всё слышит и ничего не забудет. Ленка вязалась к Марине, забиралась на колени, и Марина гладила её по голове, а Саша смотрела на эту картину и думала: Марина за год узнала Ленку меньше, чем раньше за один вечер, потому что теперь они никогда не были наедине, и Ленка, сторожкая, как все дети в таких домах, при нём молчала о настоящем.

Настоящее однажды всё равно прорвалось. В середине воскресенья Ленка, разрисовывая Маринин блокнот, сказала вдруг:

— А у вас дома папа не стучит?

— В смысле — стучит? — Марина не поняла.

— Ну, тарелки. В стену. У нас мама мыла, а он стукнул тарелку в стену, и было много-много белого, — Ленка показала руками разлёт осколков, широкий, как салют, — и маме пришлось убирать ночью, потому что папа спать хотел.

Стало тихо. Витя был на кухне — но на кухне не было шума, и Саша знала, что значит: он стоит и слушает.

— Пошли с тобой зайчика рисовать, — сказала Саша громко, весело, страшно. — У тебя же зайчик в садике, покажи Марине, какого зайчика вы рисовали.

И Ленка, повинуясь тону, который дети в этих домах распознают раньше слов, — Ленка кивнула и стала рисовать зайчика. И зайчик получился хороший, с морковкой.

А Марина потом, в прихожей, пока Витя был в санузле, наклонилась к Саше, как наклоняются к прилавку, тихо, на одно дыхание:

— У тебя рука что — в прошлый раз? Ты тогда рукав длинный была.

— Ушиблась. Об косяк.

— Об косяк, — повторила Марина ровно. И посмотрела. И Саша не выдержала этого взгляда — четыре секунды, пять, — и опустила глаза, и поняла, что только что сказала всё. Словами — ничего, а всё — сказала.

## Глава вторая. Обычный

Саша проснулась раньше будильника и лежала, глядя в потолок, на ту сторону кровати, где ровно дышал Витя. Она знала этот сон, ещё не проснувшись до конца: во сне она выходила из подъезда и оглядывалась, и за спиной не было ничего, ни двери, ни дома, — и это было не страшно, а легко, и от этой лёгкости она просыпалась, как просыпаются от падения.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.